

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2024.45.98.017

Наказание и власть в антропологических и генеалогических взглядах М. Фуко

Баринов Юрий Владимирович

Аспирант,
Русская христианская гуманитарная академия,
191011, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Фонтанки, 15;
e-mail: 79219567833@yandex.ru

Аннотация

Генеалогический проект французского мыслителя М. Фуко «История наказания» вызывает все больший интерес антропологических исследователей к его творчеству, затрагивающему всевозможные аспекты методологии данного автора. В статье рассматривается вопрос, который связан с наказанием и властью в антропологических и генеалогических взглядах М. Фуко. Автор рассматривает в качестве следствия методологической диффузии генеалогическую дескрипцию, как метод описания маргинального объекта. Феномен дисциплинарной власти анализируется в качестве маргинальной конструкции, выводящей понятие нормального и ненормального из совокупности дисциплинарных практик, структурирующих европейское общество. В завершении автор приходит к выводу о том, что археологическое поле высказываний, артикулированное в соответствии с историческими априорами, уступает место в генеалогической истории мелким приемам фиксации, организации полей сравнения, раскладывания фактов, иными словами всему тому, что с точки зрения М. Фуко, приведет к гносеологическому раскрытию наук о личности, и в то же время лишит вопроса «Как возможна наука о личности?» его метафизическое значение, поскольку генеалогическое рождение личности будет определяться маргинальностью дисциплинарного механизма, «нового типа власти над телом».

Для цитирования в научных исследованиях

Баринов Ю.В. Наказание и власть в антропологических и генеалогических взглядах М. Фуко // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 222-234. DOI: 10.34670/AR.2024.45.98.017

Ключевые слова

Антропология, власть, генеалогия, дисциплинарная власть, маргинальное, наказание.

Введение

Генеалогический проект (далее – ГП) французского мыслителя М. Фуко «История наказания» вызывает все больший интерес антропологических исследователей к его творчеству, затрагивающему всевозможные аспекты методологии данного автора [Визгин, 2004; Зекрист, 2012; Ильин, 1998; Русаков, 2016]. По этой причине исследователем Араком было высказано мнение о том, что под историческим методом французских исследователей следует понимать «особый метод, который присущ философии постмодерна – критический, генеалогический исторический метод, который описывает нашему – современному Народу – как стать именно тем, чем мы являемся сейчас. «Существование» [Arac, 1988, 11-12]. Аналогичных взглядов придерживаются и отдельные российские исследователи при обсуждении проблемы власти в трудах Фуко [Кильдюшев, 2014; Низовцев, 2015; Новиков, 2009]. Наше внимание сосредоточено на аналитической реконструкции канонических интерпретативных стратегий (далее – ИС) Франции двадцатого века, направленных на такие феномены, как власть и наказание. Особенность и отличие исследований в нынешней западной философии «неклассических-постклассических текстов» достаточно часто можно встретить в различных проблемных ситуациях, которые напрямую связаны со следующими персонами: автор текста, а помимо этого, читатели данного автора и интерпретаторы.

Основная часть

В первую очередь следует подчеркнуть, что, анализируя ИС исследуемого философа, мы сталкиваемся с конкретным методологическим парадоксом. Сущность рассматриваемого парадокса обуславливается тем аспектом, что диспозициональность (структура текста, которая отражает его предметность), напрямую связана с некоторым расширением обзора анализа, в результате чего происходят изменения в поле анализа за счет предпринимаемого автором лингвистического деонтологического процесса, простора для интерпретации. К примеру, диспозиция по причине своей собственной маргинальной структуры напрямую указывает на пределы герменевтического различия, то есть на пределы между определенными прочтениями и приемами интерпретации.

Помимо этого, во вторую очередь, авторы отталкиваются от того аспекта, что у исследуемого французского философа никогда не было единой (основной) методологической программы. Следует особо подчеркнуть, что дополнительное концептуальное обоснование рассматриваемая гипотеза получила непосредственно после того, как была опубликована его лекция в Колледж де Франс. На позицию, связанную с методологическими изменениями, указывает еще и А.В. Дьяков, который является российским переводчиком рассматриваемого курса. В приписке он написал: «Знакомство с различными текстами Фуко может навсегда поменять точку зрения у читателя, однако это не предоставляет ему никакой возможности использовать его «методологию». Это обуславливается тем аспектом, по мнению Дьякова, что на самом деле методологии не существует вообще. Есть комплекс исследований, методы и приемы по Фуко. При этом цели, а помимо этого и объекты проводимого исследования подвергаются постоянным изменениям» [Дьяков, 2014, 11, 347]. В рассматриваемом смысле проблема анализа абсолютно всего поля изменчивых и множественных властных отношений будет связана с такой довольно пресловутой проблемой, как генеалогические методы (далее – ГМ). Отмечается, что реконструкция ИС Фуко выступает отправной точкой реконструкции

генеалогии (далее – ГР) «системы рабства» является маргинализация предмета, которая считается традиционной для преимущественного большинства исследований г-на Фуко. Документальные и художественные изображения публичных казней XVIII века и воссоздание повседневной жизни в тюрьме 19 века. В основном он является направленным на историческую реальность и дискурс наказания, в рамках которого «тело исчезло как основной объект всех проводимых судебных уголовных репрессий» [Фуко, 1999, 11, 14]. Так, исчезновение тела в рамках ГР исследователя отображает нелинейную динамику абсолютно всех исторических событий, а помимо этого, концептуально смещает объекты по историческим промежуткам XVIII и XIX веков. По этой причине вне динамики «тонких и быстрых изменений» невозможно определить объект ГР, никаким образом, не различая при этом археологические и ГР Фуко.

В рассматриваемом случае генеалогическая идентификация души, которая подвергается судимости по такой формуле, как «душу судят, как за преступление» представляет собой многовариативный синтез «страсти, инстинкта, ненормальности, физической неспособности» и других элементов. Для Фуко, классической работы о маргинальности, диссоциативное разрушительное использование идентичности является одним из способов, с помощью которого маргинальные генеалогии реконструируют объекты. Именно это ознаменовало непосредственно сами различные и всевозможные изменения в правовой системе XVIII и XIX веков, но при этом и совершенно новую систему производства истины. Следует особо отметить, что безумие тоже является необходимым аспектом для проведения генеалогического изучения «Истории наказания», а помимо этого, и для проведения археологической реконструкции, которая проецируется на структурную эпистемологию или же освещает теорию. В рассматриваемом смысловом значении, профиль безумия в виде серии высказываний формирует «определенный комплекс оценок, диагнозов, прогнозов, а помимо этого и различных нормативных суждений о соответствующей преступной личности» [Фуко, 1999, 11, 29], потому что представление об отклонениях человека стало неким способом его квалификации, частично вытекающим из слегка положительной реконструкции безумия. Следовательно, существующая разница между археологической и генеалогической историей безумия способствует наиболее лучшему пониманию того, по какой именно причине реконструкция «силового наказания», рассматривая ее с точки зрения истории, выступает как появление нормализованной власти. Под позитивностью рассматриваемого вопроса понимается «сравнительная история души и совершенно новых способностей суждения, генеалогия текущего единства научной справедливости» [там же, 11, 35]. В рассматриваемом смысле весьма показательным является маргинальный эмпирический характер вопроса, который связан с «происхождением» души под судом, ради чего Геконф подчиняет ее принципу единой закономерности и событийности.

Рассматриваемый вопрос существенно усиливает имеющееся различие между происхождением и карательными целями нынешней «души под судом», с систематической генеалогией (далее – СГ) Фуко, а помимо этого, и из-за неопределенности «души под судом». Многие генеалогические синтезы придают вопросу «происхождения» второстепенное значение. Это обуславливается позитивностью рассматриваемого вопроса, ведь она включена в ранее упомянутый вопрос «о наказании». Следует особо отметить, что сопоставительная история Души в СГ анализируются посредством использования четырех правил, основанных на различиях между двумя объектами и изменениях в структуре интерпретации истории наказаний. Далее рассмотрим правила ГР Фуко. Принцип ГР «рабской системы» воплощен в ряде определенных правил.

В рамках первого правила проводится рассмотрение наказания в виде довольно сложной

функции с социальной точки зрения, сокращая общесоциальные формы, а помимо этого, и интересубъективность. Книга Фуко «Социальная функция наказания» представляет собой критическое размышление над методами, традиционно используемыми Дюркгеймом и Вебером для изучения общества.

В рамках второго существующего правила осуществляется рассмотрение наказания с точки зрения политической стратегии, а помимо этого, проводится довольно критическая оценка марксистской политики, которая рассматривает власть как вытекающую из сферы экономики и тех отношений, которые складываются в данной области. Влияние упомянутого второго правила можно обнаружить в «Истории частной жизни» – исследовании, проведенном различными исследователями из Франции, Америки и Британии под непосредственным руководством ученых летописной школы Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Обратимся к их концептуальной позиции: «Деспотизм тоталитарных государств, чрезмерность демократических государств вплоть до управления рисками – «отвратительная и банальная рациональность» (М. Фуко) – все указанное вызвало определенные размышления о механизмах, балансах и рычагах сопротивления» [Корбен и др., 2018, 11, 5].

В рамках третьего существующего правила осуществляется рассмотрение технологии власти с точки зрения совокупности таких практик, как дискурсивные и не дискурсивные. Данные практики имеют прямую и непосредственную связь с историей права и различными человеческими знаниями. В указанном контексте, технологии власти с методологической позиции демонстрируют и с негативной и с позитивной стороны всевозможные способы познания истории.

В рамках четвертого существующего правила проводится рассмотрение возникновения души как особого способа овладения своим телом или как серию различных исторических трансформаций, которые связаны с теми отношениями, которые встречаются во власти. Иными словами, можно говорить, что политическая технология абсолютно во всех случаях представляет собой «всеобщую историю властных и объектных отношений» [Фуко, 1999, 14, 37] или же вполне реальный метод существования различных личностей в «реальной» истории. Применение отдельно существующих и действующих правил ни в коем случае не способно привести к методической унификации в генеалогической инженерии из-за активного выявления границ в самой данной структуре реконструируемых объектов и уголовных историй.

Как следствие, все вышеуказанное свидетельствует об активном распространении методологии, которую можно анализировать в рамках СГ на реальных примерах политических технологий тела, а помимо этого, и на возникающих в результате микрофизических концепций власти (далее – МВ). Аналогично археологическим проектам (далее – АП), эпистемологизация экзистенциальных объектов в ГР создает возможность «тел знания». Иными словами, знаний, объясняющих именно историю тела, но никак не различные пространственные параметры, которые характеризуют и описывают эпистемологию маргинальных дискурсивных структур.

Следует особо отметить, что в ГР эпистемологизация объекта разворачивается на уровне соответствующей исторической динамики, «ее поле действия простирается между более широким вопросом власти, а помимо этого и самим телом с его материальностью и властью» [Фуко, 1999, 11, 41]. Таким образом, процедура реконструкции линии предопределена определенным методологическим статусом конкретного объекта. Эта позиция позволила бы Фуко проанализировать концепцию МВ через динамические показатели взаимодействия в «реальной» истории доминирующих и подчиненных сил.

Указанное выше свидетельствует о микрофизике генеалогического подхода, но в силу его

маргинального статуса, он никаким образом не способен привести соответствующие принципы ГР в единство методологии. Для примера отметим, что абсолютно все существующие динамические характеристики, используемые для анализа микрофизической концепции власти, в некотором роде основаны на особенностях, которые являются наиболее характерными для чувствительности генеалогии, а помимо этого, и на всевозможных отличиях, имеющих в диффузии, существующих между органами чувств и экстрасенсорикой. Упомянутый подход генеалогии представляет собой некую структуру, включающей в определении власти одновременно несколько различных структурных элементов.

Микрофизика власти. Так, между функционализмом Делеза и генеалогией Фуко, под властью понимается комплекс различных позиций, которые по мнению другого классика маргинальной темы Делеза, абсолютно во всех случаях требуют совершенно нового функционализма. Это обуславливается тем аспектом, что указанный функциональный анализ, безусловно, ни в коем случае не отрицает существование различных классов и их противостояния, но при этом предлагает кардинально иную картину с ландшафтами, характерами и процессами, чем та, которой научила человечество классическая история, к которой относится и марксистская [Делез, 1998, 49]. В рассматриваемом контексте функционализм Делеза основывается на гносеологическом принципе. Данный принцип объединяет в себе одновременно вербальные и визуальные модели познания. Следует особо подчеркнуть, что власть и живопись требует проведения аналогичной процедуры, как и археологический анализ учения дадаизма Р. Магритта.

Совершенно не случайно Фуко поступает аналогично ему, и «соединяет словестные знаки совместно с пластическими компонентами, не устанавливая при этом для себя каких-либо правил первичной изотропии» [Фуко, 1999, 79]. В ГР распространение метода направлено на соответствующий разрыв между вербальной и наглядной моделями. Это обуславливается тем аспектом, что между тем, чтобы «видеть» и «говорить» укладывается еще и «социальное», что не является уже никаким образом, привязанным к классическим представлениям о сути и истинном происхождении власти. Нельзя не отметить и маргинальный хронотоп «социального», в рамках которого «власть не есть власть». В указанном контексте ГМ деидентифицирует соцпространство власти.

При отсутствии пространственных ориентиров, а помимо этого, и при отсутствии какого-либо плана, власть – это «сеть неизменно напряженных и активных отношений» [там же, 44], которые напрямую подчинены такой модели, как модель «вечной битвы». По этой причине в рамках процесса ГР наблюдаются определенные изменения и в социальной оптике классических представлений о существующей власти. Следовательно, концепция М. Фуко выступает в качестве результата существующего различия между исторической преемственностью и регулярно меняющихся соотношений, эффективно действующих в рамках истории сил. Под «властью» понимается децентрализации политических, а помимо этого и правовых институтов, но прежде всего, института «государство» по причине того, что он – итог комплексных совершаемых действий или итог функционирования довольно многих механизмов и различных очагов, находящихся на другом уровне и формирующие тем самым «МВ» [Делез, 1998, 49]. Подчеркивается, что точечная локализация, выявленная Делезом, по истинной сути выступает в качестве некоего переосмысления методологической диффузии, поскольку децентрализация власти есть итог диффузии метода, который совершенно не способен и не может локализовать свой собственный маргинальный объект в рамках соцпространства. Специфика механизма и модальности ГР власти «проникает в толщу общества», противостоя

при этом экономическому детерминизму. Согласно ему власть, воплощенная в рамках госаппарата, причисляется к подчиненному способу производства, как его базовая основа [Фуко, 1999, 50].

Следовательно, пирамидальный характер власти, свойственный экономическому детерминизму, уступает довольно существенное место нестабильности, а помимо этого, и постоянным противостояниям сил, которые исторически конфликтуют между собой. Отмечается, что Ж. Делез видит в динамических особенностях исторического чувства достаточно строгую имплицитность и эффективность. Это обуславливается тем аспектом, что МВ – это «совокупность отношений тех сил, пронизывающих субъективные силы в аналогичной степени, как и доминирующие, несмотря на тот аспект, что иные – это единицы сингулярности» [Делез, 1998, 51]. Следует особо подчеркнуть, что то, что привело к разрушению познающего субъекта, при активном распространении ГМ способствует установлению условия гносеологизации отдельного реконструируемого объекта.

Для примера отметим, что функциональный смысл отношений, складывающийся между властью и знаниями, выделенными Фуко, состоит непосредственно в том аспекте, что «отсутствие отношений власти без формирования области знания, и отсутствие знания, не предполагающего и в то же время не формирующего властных отношений» [Фуко, 1999, 42] – само по себе предполагает сакрально-разрушительное применение истины. По этой причине импликация отношений, складывающихся между указанными двумя аспектами, в рамках ГП представляется в виде методологического результата отрицательной и положительной деструктуризации исторического знания. Применение динамического аспекта такой проблемы, как наказание выступает способом трансформации модели познания, в рамках которой основная и ведущая роль отведена конкретному субъекту.

Как следствие, генеалогическое единство двух рассматриваемых аспектов представляется в виде гносеологического предела абсолютно любой воли истории к знанию. Следовательно, существующие динамические характеристики, посредством которых проводится анализ концепции МВ в ГП Фуко, могут полностью свестись к маргинальной антропологии (далее – МА). Под МА понимается конкретный способ формирования генеалогической реальности, который существует в такой области, как «политическая анатомия» (далее – ПА); с метафорической медиализации под рассматриваемым понятием понимается основополагающее противодействие метафизики и генеалогии, доведенное до максимально допустимого предела.

В подобном случае такой метод, который в практически платоническом различении души и тела личности находит историю МВ, однозначно будет генеалогическим или хотя бы будет выступать в качестве «части генеалогии современной души». По причине того, что в МА душа конструируется в виде «современного коррелята отдельно взятой технологии власти над телом» [Фуко, 1999, 45], то генеалогическая реальность будет напрямую прибывать в непосредственной зависимости от политического функционирования организма, а помимо этого и от действующих процедур, а помимо этого и от соответствующей исторической динамики противоборствующих сил. В различных высказываниях, составляющих непосредственное знание об индивиде, в качестве последнего, по мнению Фуко, может выступать психика, личность и многое другое. Однако абсолютно все области анализа полностью выведены из ПА, в рамках которой структура «Сила – Знание – Тело» реализует построение души.

Так, если душа представляет собой следствие и определенный инструмент ПА [там же, 46], то антимония физического и идеального вполне может представляться в виде отношения

«надзирать – наказывать». Иными словами, таким отношением, в рамках которого позитивность наказания связано с различными существующими дисциплинарными практиками (далее – ДП). Если рассматривать эти практики с позиции исключительной одновременности наказания и незаконных практик, то они представляют собой совершенно новую экономию власти (далее – ЭВ) – наказывать. Рассматривая принцип визуализации преступления и наказания (далее – ПИН) стоит отметить, что он определенным образом трансформирует технологию наказания. Отныне это «знак, который служит определенным препятствием». Следует подчеркнуть, что семиотическая техника наказания (далее – СТН) призвана заменить казни и пытки, активно применяемые ранее. Механизм семиотической замены публичных казней, который применяется Фуко, напрямую указывает на принцип производности ПИН как означаемого и означающего, а помимо этого, он указывает и на изменение такого принципа, как линейность, по причине того, что наказание в полной мере наполнено маргинальным смыслом.

В отношении к обозначенному смыслу преступного деяния, истинный смысл наказания представляет собой семиотический прием нелинейных взаимодействий, который включает в свою собственную структуру ряд конкретных правил наказания. Следует особо подчеркнуть, что именно СТН предоставит возможность Фуко сформулировать вывод о расчетливой ЭВ при наказании. По этой причине «германизация наказания» вынужденно ставит и задает следующий вопрос: «Действительно ли мы вступили в эпоху не телесных наказаний (далее – ТН)?» [Фуко, 1999, 148].

Не совсем понятно, о каком именно не ТН может идти речь в том случае, если оба аспекта приводят к объективации преступников и совершаемых ими преступных деяний? Так, с одной стороны человек, совершивший преступление, в ближайшем будущем будет являться ненормальным, который постоянно подвергается научной объективации, но с другой точки зрения семиотическая технология объективирует правила наказания. Два указанных мнения напрямую указывают на то, что отношение власти, заложенное в наказании, начинает постепенно дублироваться таким отношением, как объектное.

Следует особо отметить, что преступник и совершенное им преступление являются имманентными процессам объективации. Это обозначает то, что «все процессы объективации берут начало в самой тактике власти, а помимо этого и в организации ее эффективного управления» [там же]. Следовательно, реформу в области судебно-уголовной системы, проведенную во временной период XVIII–XIX вв. можно охарактеризовать, как структуру взаимоисключающих типов объективации. Последующее взаимное существование и активное развитие рассматриваемых видов в области истории наказания (далее – ИН) потребует от исследователя Фуко определенного соотношения СТН и совершенно новой ПА. Некой точки соотношения СТН и ПА будет выступать пространство передела беззаконий.

Иными словами, можно говорить о том, что пространство, существующее между казнью и мягкими наказаниями за преступление, заполнено в современном мире тюремным заключением преступника на определенный срок. Аналогично структуре генеалогической телесности, в рамках генеалогии ДП возникает определенная структура отдельного дисциплинарного органа, где дисциплинарность воспроизводит соотношение легального и неправомерного как особенную и отличительную технологию влияния на отдельную личность. В качестве исходного предположения генеалогии дисциплинарности будет выступать методологическая позиция. Согласно данной позиции, вне зависимости от особенностей практики наказания, «в совершенно любом обществе организм является зажатым во власти, накладываемой на него определенные запреты» [Фуко, 1999, 199].

Прежде всего, дисциплинарная маленькая физика изменяет масштабы применяемого контроля. Отныне тело подвергается анализу на уровне нескольких взаимодействующих сил исторического характера. В комплексе всех своих движений и позиций оно представляется в виде «малой власти над активным телом (далее – АТ)». Следует особо отметить, что вся эта маленькая физика наказания предполагает вполне разумную экономическую целесообразность АТ как определенного упражнения, которое рассматривается в виде постоянного принуждения. По этой причине отдельный контролируемый вид наказания, учитывая все существующие физические и экономические требования к способу влияния на конкретную личность, формирует определение понятия «дисциплинарный». Так, под «дисциплинами» (полезностями) понимаются «методы, делающими вполне возможным детальный контроль над действиями конкретного тела, а помимо этого они обеспечивают регулярное и непрерывное подчинение его силы и навязывают им необходимые отношения послушания» [там же, 200].

Упомянутое выше понятие раскрывает динамическую сторону проблемы наказания. По мнению Ф. Ницше, данная сторона проблемы была принципиально непреодолимой. Это обуславливается тем аспектом, что во времена генеалогической телесности «дисциплины стали всеобщими формулами господства» [14, с. 200], а универсальность дисциплинарного при этом, эксплицирует различие, существующее в происхождении и цели назначаемого наказания, а помимо этого, оно способствует освобождению понятия дисциплинарного от упомянутой непреодолимости. Однако при любом раскладе микрофизика дисциплинарного права имманентно содержит в себе позитивность наказания. Это обуславливается тем аспектом, что различие в происхождении и цели назначаемого наказания представляет собой историческое отношение, которое дает дисциплинам определенный момент зарождения в рамках общей истории наказания.

Следует особо подчеркнуть, что энтстехунга дисциплинарного наказания представляет собой рождение ПА, которая по генеалогии представляет собой некую «механику» наказания власти». Следовательно, под формой маргинальной позитивности следует понимать ПА отдельного дисциплинарного органа, а принимая во внимание все положительные стороны происхождения ПА, последняя «производит подчиненные и осуществляемые тела» [там же, 201]. В данном рассматриваемом случае экономическая целесообразность применяемого наказания напрямую вытекает из предельной позитивности отношений господства и подчинения. Они направлены на одновременное расширение и сокращение полномочий отдельного организма.

Следует особо подчеркнуть, что ПА, будучи микрофизикой дисциплинарного, «определяет в организме вынужденную связь, складывающаяся между вынужденной и возрастающей приспособленностью, а помимо этого и растущим доминированием» [там же, 202] и как разновидность исторической практики, назначаемое наказание проникает в наиболее разные сферы применения (например, школы, тюрьмы). Микрофизика упомянутых выше практик является настолько вторичной и маргинальной, что дисциплинарная макрофизика, как отмечал Фуко, не способна раскрыть истинную логику их формирования. По причине того, что история ДП в СГ подвержена нелинейной сингулярности отдельно взятых исторических событий, а их перемещение от одного социнститута к совершенно другому аналогичному институту охватывает абсолютно все существующее соцпространство, то именно они и будут определять «метод детального политического завоевания общества». Тело, новая «микрофизика» власти» [там же, 203]. Генеалогическое описание (далее – ГО) выступает неким способом описания маргинального объекта (далее – МО).

Помимо всего вышеуказанного нельзя не подчеркнуть, что методологический статус дисциплинарной телесности (далее – ДТ) в рамках проведения такой процедуры, как реконструкция и оптимизация дисциплинарной системы порабощения оказывает определенное влияние и воздействие на диффузию ГМ. Как следствие, в концепции микрофизики преимущественно будет преобладать метод описания МО власти. Подчеркивается, что ГО разворачивается на том уровне, где объект описания представляет собой довольно динамический показатель сил господства и подчинения, взаимодействующих в «реальной» истории. Микрофизика ГО состоит непосредственно в том аспекте, что данная дисциплина представляет собой «политическую анатомию деталей» [там же, 203], а помимо этого, оно визуализирует безграничное множество различных утраченных событий исторического характера, возвращая тем самым им «настоящую» (реальную) историческую телесность. Приводя описание даже самых мелких и незначительных деталей, ГМ помогает всесторонне проследить формирование и последующее развитие конкретной «дисциплинарной» личности, которая возникает на границе довольно большого числа практик и представленной по своей сущности, структурой ДТ, в рамках которой всевозможные ДП обнаруживают их полное микрофизическое, а как следствие и историческое воплощение.

Подчеркивается, что ГО, децентрализирующее власть и визуализирующее «реальную» телесность, приводит описание различных структурных элементов ДТ, а помимо этого, в рамках микрофизики проводит анализ конкретного механизма дисциплинарной власти (далее – ДВ). Истинная природа власти в ГП рассматривается как применение «простых инструментов, к которым относятся: иерархический надзор (далее – ИН), нормализация санкций и их непосредственное сочетание в рамках определенной процедуры – на экзамене» [там же, 249]. Следует отметить, что ДВ, выступая в качестве одной из форм публичной власти, является неоднородной по отношению к госинститутам и госправу, а помимо этого, она реализует непосредственное взаимодействие всевозможных принципов. Например, влияние осуществляется посредством ИН, устройства, «принуждающего посредством игры взгляда». Для ДВ надзор представляет собой «аппарат, в рамках которого технология, которая предоставляет возможность видеть, производить проявления и последствия власти, а помимо этого, где средства принуждения делают видимыми именно тех, на кого оказывают свое влияние» [там же].

Нельзя не отметить, что ДВ, оказывая влияние на иную, чем она сама, гетерогенность, заменяет метафизическую видимость герменевтического значения, которая с древности ассоциировалась со способностью языка быть видимым. Так, если природа власти представляет собой самопроявление, то ДВ утрачивает какую-либо возможность своего существования в данном пространстве и, помимо этого, ее маргинальная дискурсивность изменяет феноменологическую структуру языка. По мнению Делеза, режим света и структура языка не имеют аналогичной формы в генеалогии и принадлежат разным образованиям.

Следовательно, генеалогическая дифференциация предоставляет возможность ДВ видеть, оставаясь при этом совершенно невидимой. Применяя вышеупомянутое положение в отношении функционирования ДВ в области разнородного, «всяко знание движется от видимого к выраженному и обратно; тем не менее, между ними отсутствует общая тотализирующая форма и соответствие» [Дьяков, 2014, 65]. Можно принять во внимание маргинально-герменевтический статус языка в области экспликации генеалогического значения, который совершенно не обязан проводить дублирование смысла. В области СГ власть и смысл располагаются именно там, где существует определенная динамика господства и

подчинения, а помимо этого, где «небольшие приемы множественного и пересекающегося надзора, взгляды должны быть видны, оставаясь при этом невидимыми» [Фуко, 1999, 250]. Неопределенность характера синтезов генеалогии в сфере разнородного представляет собой «неизвестное искусство света и видимого», которое подразумевает совершенно «новое знание об индивиде». Помимо этого, несколько усиливая машинно-шизофренический аспект ИН, упомянутый выше исследователь, определяет его в качестве абстрактной машины.

По нашему мнению, механизм ДВ в большей степени соответствует ницшеанскому пониманию неопределенности структурно нестабильного исторического процесса. Шизофренический и генеалогический характер истории наказания за совершенное преступление, Делез совершенно по-разному обращает внимание на проблеме происхождения, а помимо этого, и цели наказания, которая, как было отмечено в статье ранее, трактуется автором «Надзирать и наказывать» в проблему реконструкции «систем порабощения». Следует отметить, что ИН, который представляется в виде «неведомого искусства света», ровно, как и анализ Энтстехунга, не меняет неопределенности природы генеалогических синтезов, но при этом он существенно усиливает динамическую сторону содержания проблемы наказания. Неслучайно в ИН визуально-архитектурный принцип использовался в виде модели строительства: «Архитектура отныне призвана быть инструментом трансформация личности» [там же, 251]. По этой причине госпиталь, отныне выступает в качестве инструмента дисциплинарного влияния на отдельную личность, а школа – «строевым механизмом». Действуя при помощи наблюдения, ДВ становится «микроскопом для наблюдения»; он концентрирует весь комплекс визуальных воздействий в отдельно взятой точке. Такое накопление будет представлено концепцией дисциплинарного центра, где «основная точка должна быть одновременно источником все озаряющего света и местом схождения всего, что подлежит познанию» [там же, 254], а в соцсфере выражает некую политическую утопию. В ГП «ИН» отличительный механизм ДВ одновременно исключает и нормализует. Создавая эффект нормализации, он подчеркивает «наказание согласно норме». По этой причине процесс нормализации гетерогенных механизмов в отличие от макро и микрофизического необходимо понимать в виде положительной технологии вмешательства, функционирующей в виде принципа квалификации и коррекции.

Появление власти нормализации (далее – ВН) «кроется в дисциплинарной технологии, которая вводит эти механизмы нормализации наказания» [там же, 269]. Следовательно, ГР «систем порабощения» в оставшейся части – это история ВН. Именно от данной точки, основываясь на дисциплинарном конструкте формулируется следующий генеалогический тезис: «Сила Нормы проявляется через дисциплины». В отличие от АП, где архив – это «основная система формирования и трансформации высказываний», архив в СГ непосредственно связан с наблюдением за отдельными людьми, он «помещает их в гущу улавливания и записи, документы» [там же, 276]. Поэтому генеалогический архив как «сила записи» является наиболее значимой деталью механизмов дисциплины.

Заключение

Следует особо отметить, что археологическое поле высказываний, артикулированное согласно историческим априорам, уступает место в истории генеалогии мелким приемам фиксации, фиксации, организации полей сопоставления, раскладывания фактов. Иными словами, всему тому, что, по мнению Фуко способствует гносеологическому раскрытию наук о

личности и в то же время лишит вопроса «Как возможна наука о личности?» его метафизическое значение, по причине того, что генеалогическое рождение личности будет определяться маргинальностью дисциплинарного механизма, «нового типа власти над телом».

Библиография

1. Визгин В.П. Генеалогический проект Мишеля Фуко: онтологические основания // Мишель Фуко и Россия. СПб.: Летний сад, 2004. С. 96-110.
2. Делез Ж. Фуко. М., 1998. 172 с.
3. Дьяков А.В. Послесловие переводчика // Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014. С. 347-348.
4. Зекрист Р.Х. Концепция власти М. Фуко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 2 (103). С. 40-46.
5. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
6. Кильдошев О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. № 13 (3). С. 9-32.
7. Корбен А. и др. История частной жизни. Т. 4: От Великой французской революции до I Мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 672 с.
8. Лизина Н.В. Практика власти как управленческие отношения в работах М. Фуко // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2 (2). С. 206-209.
9. Низовцев Д.В. Проблема Власти в работах М. Фуко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 49-57.
10. Новиков О.В. Модели Власти и Знания в теории М. Фуко // Вестник РГГУ. Серия: Культурология. Искусствоведение. Музеология. 2009. № 15. С. 52-60.
11. Русаков С.С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. Т. 17. № 1. С. 114-124.
12. Рязанов И.В. Власть и наказание в генеалогическом проекте М. Фуко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 158-168.
13. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с.
14. Фуко М. Это не трубка: навязчивость взгляда Фуко и живопись. М.: Художественный журнал, 1999. 150 с.
15. Arac J. After Foucault. Humanistic knowledge. Postmodern challenges. N.Y., 1988. 208 p.

Punishment and power in the anthropological and genealogical views of M. Foucault

Yurii V. Barinov

Postgraduate,
Russian Christian Humanitarian Academy,
191011, 15, Fontanki emb., St Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 79219567833@yandex.ru

Abstract

The genealogical project of the French thinker M. Foucault “History of Punishment” is attracting increasing interest among anthropological researchers in his work, which touches on all possible aspects of the methodology of this author. The article deals with the issue that is connected with punishment and power in anthropological and genealogical views of M. Foucault. The author considers genealogical descriptivism as a consequence of methodological diffusion as a method of describing a marginal object. The phenomenon of disciplinary power is analyzed as a marginal

construct that derives the concept of normal and abnormal from the totality of disciplinary practices structuring European society. Finally, the author concludes that the archaeological field of statements articulated in accordance with historical a priori gives way in genealogical history to minor techniques of fixation, organization of fields of comparison, arrangement of facts, in other words, to what, from M. Foucault's point of view, will lead to gnosis. Foucault, will lead to the epistemological disclosure of the sciences of personality and at the same time deprive the question "How is a science of personality possible?" of its metaphysical significance, since the genealogical birth of personality will be determined by the marginality of the disciplinary mechanism, "a new type of power over the body".

For citation

Barinov Yu.V. (2023) Nakazanie i vlast' v antropologicheskikh i genealogicheskikh vzglyadakh M. Fuko [Punishment and power in the anthropological and genealogical views of M. Foucault]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 222-234. DOI: 10.34670/AR.2024.45.98.017

Keywords

Anthropology, power, genealogy, disciplinary power, marginality, punishment.

References

1. Arac J. (1988) After Foucault. Humanistic knowledge. Postmodern challenges. N.Y.
2. Corben A. et al. (2018) Istoriya chastnoi zhizni. T. 4: Ot Velikoi frantsuzskoi revolyutsii do I Mirovoi voyny [A History of Private Life, Vol. 4: From the Fires of Revolution to the Great War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
3. Deleuze J. (1998) Fuko [Faucault]. Moscow.
4. D'yakov A.V. (2014) Posleslovie perevodchika [Afterword by the translator]. In: Faucault M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboi i drugimi II. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1983-1984 uchebnom godu [The Courage of the Truth (The Government of Self and Others II)]. St. Petersburg: Nauka Publ.
5. Foucault M. (1999) Eto ne trubka: navyazchivost' vzglyada Fuko i zhivopis' [This is Not a Pipe]. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal Publ.
6. Foucault M. (2004) Nenormal'nye: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974-1975 uchebnom godu [Abnormal: Lectures at the College de France, 1974-1975]. St. Petersburg: Nauka Publ.
7. Il'in I.P. (1998) Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa [Postmodernism from its origins to the end of the century: the evolution of a scientific myth]. Moscow: Intrada Publ.
8. Kil'dyushev O.V. (2014) Mishel' Fuko kak issledovatel' «politseiskogo gosudarstva»: programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya [Michel Foucault as a researcher of the "police state": program, heuristic problems, study prospects]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 13 (3), pp. 9-32.
9. Lizina N.V. (2011) Praktika vlasti kak upravlencheskie otnosheniya v rabotakh M. Fuko [The practice of power as managerial relations in the works of M. Foucault]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University], 2 (2), pp. 206-209.
10. Nizovtsev D.V. (2015) Problema Vlasti v rabotakh M. Fuko [The problem of Power in the works of M. Foucault]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences], 4, pp. 49-57.
11. Novikov O.V. (2009) Modeli Vlasti i Znaniya v teorii M. Fuko [Models of Power and Knowledge in the theory of M. Foucault]. *Vestnik RGGU. Seriya: Kulturologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Culturology. Art history. Museology], 15, pp. 52-60.
12. Rusakov S.S. (2016) Trekhurovnevaya kontseptsiya politicheskoi vlasti M. Fuko [M. Foucault's three-level concept of political power]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 17, 1, pp. 114-124.
13. Ryazanov I.V. (2019) Vlast' i nakazanie v genealogicheskom proekte M. Fuko [Power and punishment in the genealogical project of M. Foucault]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2, pp. 158-168.
14. Vizgin V.P. (2004) Genealogicheskii projekt Mishelya Fuko: ontologicheskie osnovaniya [Genealogical project of

- Michel Foucault: ontological foundations]. In: Mishel' Fuko i Rossiya [Michel Foucault and Russia]. St. Petersburg: Letnii sad Publ.
15. Zekrist R.Kh. (2012) Kontsepsiya vlasti M. Fuko [The concept of power by M. Foucault]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki [News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences], 2 (103), pp. 40-46.